

УДК 40.2 (575.2) (04)

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В ПЕРЕВОДЕ

Ж.Т. Балмагамбетова,

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова

This article is dedicated to the analysis of the lingua-cultural national concept of the kazakh literature and the methods of its transmission are elucidated on the text of translation.

Теория перевода художественной литературы занимает особое место среди других направлений современного переводоведения, так как художественный перевод характеризуется особенностями, которые обусловлены, прежде всего, спецификой художественного текста, его семантической многоплановостью, эмотивностью, оценочностью, образной структурой. Национальная ментальность, являясь важнейшим аспектом языкового мышления, отражена в лексико-семантической и грамматической системе языка, поэтому изучение и адекватность передачи национально-культурных особенностей текста оригинала в переводческом процессе занимает особое место с позиции оптимизации межкультурной коммуникации. Перспективы развития переводоведения, зрелость переводческой мысли, мастерство лучших переводчиков-практиков – это своего рода своеобразный итог многолетней деятельности по накоплению опыта теоретических разработок, постижению принципов и методов переводческой работы.

Текст порожден культурой и является культурным продуктом. Он выполняет “функцию коллективной культурной памяти” [1], но вместе с тем сам становится “культурным микрокосмом” [1]. Культурологическое пространство, создаваемое текстом, актуализирует культуруносные смыслы языковых единиц. Соположенность языковых единиц друг с дру-

гом в рамках одного текста служит “высвечиванию” культурологической маркированности, принадлежности культурологическому полю.

Важным условием достижения стилистической адекватности в переводе является параметр адекватной передачи когнитивной, лингвокультурологической и прагматической информации. В современной лингвистике исследования, посвященные лингвокультурным концептам, приобретают все большую актуальность (см. работы Ю.С. Степанова, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, Е.В. Рахилиной, А.Д. Шмелева, Е.С. Яковлевой, Н.Ф. Алефиренко, З.К. Ахметжановой, Ш.К. Жаркынбековой и др.).

Концепты являются важной частью речемыслительной деятельности, позволяющей осуществлять трансляцию уже накопленного знания в принципиально новую ситуацию. Моделирование мира в сознании человека осуществляется с помощью концептов – “дискретных содержательных единиц коллективного сознания, отражающих предмет реального/идеального мира и хранимых в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде” [2]. Единого толкования понятия “концепт” нет, однако все трактовки его сущности концептуально-культурологического направления (С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабуш-

кин и др.), представляющие концепты как “некие способы репрезентации действительности в сознании людей”, как сгустки смысла, несущие важную культурную информацию. Лингвокультурный подход к пониманию концепта состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры и, как отмечает Ю.С. Степанов, “структуре концепта принадлежит все, что принадлежит строению понятия, и все то, что делает его фактом культуры: исходная форма, сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.” [3].

Признание его как ментального образования позволяет реконструировать ментальный мир носителя концептуальной системы, воссоздать его этнокультурный образ, характерологию его менталитета, ибо человек, существуя в определенной этнической и социокультурной среде, проникаем для нее: по мнению Ю.С. Степанова, «концепты – это своего рода “ячейки” этнокультурной среды в сознании, в ментальном мире человека» [3]. Как известно, концептуальный анализ дает возможность не только более глубокого, но и более широкого рассмотрения семантики текста. Концепт оказывается инструментом, позволяющим рассмотреть в единстве художественный мир произведения и национальный мир.

Современные исследования позволяют выявить комплексную природу концепта и его структуру (Воркачев, 2001; Попова, Стернин, 2001). Она включает лингвистическую, когнитивную, культурологическую, психологическую составляющие и имеет национальную специфику. Лингвистическая составляющая концепта сопряжена с семантикой языкового знака. Когнитивная составляющая предполагает «некий “квант” познания мира, единицу ментального лексикона, отраженную в человеческой психике». Культурологическая составляющая концепта включает ценностный аспект, понятийный и образный элементы [4].

При переводе осуществляется перенос культурных концептов из текста оригинала в другую социокультурную и языковую среду. Своеобразный диалог культур возникает в рамках заданного в тексте оригинала коммуникационного фона, который тоже следует перенести в текст перевода. Исследователи вы-

явили, что наличие или отсутствие лакун в переводном тексте является “свидетельством успешности или неуспешности его натурализации в определенном культурном контексте” [5]. В основе культурологической лакунарности лежит различие – несоответствие в способе организации либо репрезентации экстралингвистического знания в культуре оригинала и культуре перевода. Культурологическая лакуна как фрагмент ценностного опыта культуры представляет собой когнитивную модель культуры отправителя и выступает как ее культурологически значимый концепт.

Переводчик должен постичь когнитивную модель культуры-отправителя таким образом, чтобы переносимый фрагмент ценностного опыта, представленный в оригинале, перестал быть в его сознании лакуной, а стал частью его коммуникативной компетенции. При интерпретации текста система вербальных значений соотносится с социо- и этнокультурной компетенцией носителя языка, концептуальное наполнение которой и является одной из определяющих черт менталитета, так как “концепт – это фрагмент этнокультурной среды в ментальном мире человека” [3].

Значит, культурологический концепт можно определить как динамичный когнитивный процесс, направленный на интерпретацию культурологической лакуны текста оригинала и ее последующую презентацию в тексте перевода. Формирование культурологического концепта предполагает глубокий анализ всего сообщения, художественного мира произведения и стоящей за лакуной экстралингвистической ситуации. Только лишь соответствие концептуальных структур в контексте перевода служит условием оптимальной реализации самого процесса перевода. Дефиниция культурологического концепта по отношению к процессу перевода должна включать интеллектуальную деятельность переводчика по постижению фреймовой пресуппозиции носителей языка, представленной в культурологической лакуне. Переводной текст переносит концепт в новую культурно-языковую среду и в зависимости от его образных функций и ассоциативных связей, которые он порождает, сохраняет или заменяет его образный код. Каждый культурный код включает весь арсенал языко-

вого инструментария троп, фигур, смысловых и эмоционально-оценочных структур, отражающего специфическое мировоззрение определенной этнической общности.

Культурный концепт в языковом сознании представлен как многомерная сеть значений, выражающихся лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками, отражающими этнические особенности мышления и духовной жизни лингвокультурных общностей. Наиболее значимым вопросом в передаче когнитивной сущности переводимых единиц является проблема концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения сообщений. Методика оценки адекватности передачи когнитивной информации включает когнитивное моделирование, осуществляющееся с помощью построения когнитивных карт переводимой единицы и его переводного соответствия. Словарное толкование представляет возможность раскрыть характер обозначенного концепта, выявить когнитивную семантику лексемы. Как показывает опыт ряда исследований (Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянова и др.), когнитивная карта предполагает отражение лексикографического представления значений слова в толковых, фразеологических, этимологических словарях, учет ассоциативных связей слова и сочетаемостных характеристик, представление различного рода структур знаний: энциклопедических, мифологических, исторических и т.д., отражение контекстуальных значений слова. Ассоциативные связи слов, организующие текстовые и межтекстовые поля, позволяют определить содержание того или иного концепта. Использование данной методики концептуального анализа для исследования передачи концептов в переводе позволит обоснованно оценить зоны трудно переводимого в оригинале и привнесенного переводчиком.

В ряде лингвистических исследований высказывается предположение, что фундаментальные базовые концепты являются врожденными, другие исследователи считают, что концепты каждого языка неповторимы и своеобразны. Однозначно ответить здесь нет возможности, так как многоаспектность и много-

слойность концепта порождают многослойность семантической структуры слова, при помощи которого данный концепт объективируется в языковом сознании человека. Трудности перевода концептов обусловлены тем, что часто наличие эквивалентных соответствий концептов не покрывает полностью тех компонентов значения, которые являются специфическими для определенной культуры, а передача национально-культурной специфики концептов вызывает затруднения невозможностью найти концепт в ПЯ, который был бы близок исходной культуре.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет ряд концептов казахской культуры, для исследования способов перевода которых мы обратились к анализу переводного текста исторической трилогии известного казахского писателя И. Есенберлина “Кочевники”. В качестве примера рассмотрим концепты “ел”, “сөз” и “тәуекел”.

Проиллюстрируем на примере лексем *ел/народ*. В “Қазақ тілінің сөздігі” представлена семантика лексемы “ел” как многозначного слова: 1. *Жұрт, халық, қауым*. 2. *Туған жер, өскен орта*. 3. *Негізгі, шыққан тегі, заты, руы*. 4. *Отан, туып өскен жер...* [6], а также представлено множество фразеологических сочетаний и производных единиц лексемы. В словаре В.И. Даля слово “народ” трактуется следующим образом: “*народженье; что народилось. Люд, народившийся на известном пространстве; люди вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управленьем; чернь, простолоудье, низшие, податные сословия; множество людей, толпа...*” [7], словарная статья включает пословицы и поговорки. В “Толковом словаре русского языка” под ред. Д.Н. Ушакова лексема “народ” трактуется несколько иначе: 1. *Население, объединенное принадлежностью к одному государству; жители страны*; 2. *То же что нация, национальность*; 3. *В эксплуататорском государстве – основная масса населения в противоположность правящему классу*; 4. *только ед. Люди (разг.) ...* [8]. Кроме того, языковая экспликация данного феномена широко выявляется на словообразовательном уровне: 22 производные единицы, созданные

на базе производящей основы *народ*. Анализ данных лексем показывает, что они обладают значительной семантической емкостью как в казахском, так и в русском языках, наблюдается динамика в развитии значений, при этом возникает различие в семантических компонентах.

Теперь рассмотрим отражение концепта *ел* в переводном тексте романа “Кочевники”.

В оригинале: “*Осының бәрінен Жәнібек жеке хандық құрудың көптің арманы екенін және өз басының қамы мен ел-жұрттың тілегінің сабақтаса басталғанын көптен түсінген. Бұл – мұратқа жетудің даңғыл жолы. Бүгін болмаса ертең шаруашылығы, жерсуы, әдет-ғұрпы, тілі, тілегі бір Деуіті Қытшақ даласының көп руының бір жеңнен қол, бір жағадан бас шығарып, бір ел болып құралып бір халыққа айналатынына шек келтірмеген*” [9]. Семантическое наполнение концепта *ел* определяется компонентами “желание”, “требование времени”, “единство”, “сплоченность”, “государственность”. В переводе репрезентируется признак необходимости, связанной с исторической неизбежностью в развитии этноса, таким образом, переводной вариант может быть соотнесен с концептуальным инвариантом подлинника в плане смыслового, эмотивно-оценочного содержания: “*Джаныбек был умным политиком и понимал, что когда желание импрама-массы совпадает с желанием вождя-честолюбца, то задуманное им легче сбывается... Да, так было везде: и на китайской, и на джунгарской границах. Народ понимал уже необходимость создания своего, казахского ханства. Яблоко начинало созревать, и султан Джаныбек готов был действовать*” [10].

Культурологическую основу концепта в тексте формируют коннотативно-образные, метафорические выражения: “*Ел қамын ойлаған*”, “*ел мұраты тәрізді мәңгі өшпес арманды, ана жүрегіндей мейрімді келетін*” [9]. – **В переводе:** “*Если каждый из них так или иначе хотел представить в более выгодном свете именно свой род, то на голову выше этих известных певцов был мудрец Асан-Кайгы. Печальны были его песни, и, как могучая река принимает в себя бесчисленные потоки, они вбирали в себя надежды и чаяния*

всех казахских родов и племен” [10]. Отмечаем, что переводчик адекватно передал компрессированный авторский смысл метафорического фрагмента, так как сохранен доминантный интегративный признак “глубины мыслей”, “беспредельности печали за судьбу народа”, в переводном варианте представлена интерпретация метафорического образа как образа реки – потока надежд и мечтаний народа.

В следующем фрагменте концепт *ел* вербализован в составе пословицы: “*...Елдің елдігін, ердің ердігін көрсететін заман енді туды... Ал күшті болу үшін, енді қазақ бір-жолата руга бөлініп бытырай жүруді тыйып, айбынды мемлекетке айналуы керек...*” [9]. – “*Но хан Джаныбек прекрасно понимал, что если не произойдет в самое ближайшее время объединения всей казахской степи, то возрожденной Белой Орде быстро придет конец... Нет, только создание единого сильного казахского государства могло спасти народ от распыления и полного поглощения другими народами*” [10]. В переводе образность не сохранена, а смысловое содержание пословицы передается в виде комментария путем интерпретации доминантного авторского смысла, компрессированного в ней.

Концепт *тәуекел* особо значим для языковой картины мира казахов, казахского сознания. В результате исторического развития в человеке очень сильно так называемое культурное начало, которое представляет комплекс стереотипов сознания, моделей поведения, восприятия мира, ценностных установок. Данный концепт – одно из ключевых понятий для раскрытия казахской лингвокультуры и казахского национального характера. Так, в кочевой, казахской культуре он выражает готовность идти на риск, самопожертвование, тесно связан с понятиями достоинства, чести, благородства мужчины, батыра-защитника. Жизнь воспринимается как осознанный долг, трактуется как сознательный выбор человека. Концепт характеризует общий положительный настрой, картину всеобщего согласия. Концепта с таким содержанием в русском языковом сознании нет, и это создает определенные трудности при переводе. Коммуникативная нерелевантность и возможность номинирования нерелевантных концептов может лишь свиде-

тельствовать об отсутствии того или иного концепта как отдельной и целостной единицы в сознании инокультурного реципиента, но в то же время переводчик имеет возможность сконструировать концепт в конкретном акте коммуникации из ряда близких по значению концептов, релевантных для носителей культуры реципиента. В переводных фрагментах трилогии для передачи концептов переводчиком использованы приемы опущения, добавления, компенсации, комментария, способы лексических замен: *“Сыр бойының ызғарлы қара суығы басталмас бұрын, Жоңғар шапқышылары Түркістан шаһарын қоршады. Елшібек басқарған қала халқы нар тәуекелге бел буып қаланы қорғап бақты”* [9]. – *“Широкой волной катилось через степь семиглавое джунгарское войско... Несколько дней оборонялся город... С диким воем летела на штурм конная лава и всякий раз откатывалась, наткнувшись на яростное сопротивление горожан”* [10]; *«Қырық мың қолмен Сыбан Раптанның келе жатқанын Гәуһардан естіген Әбілқайыр дабыл қақтырып бар әскерін сапқа тұрғызып, “Тәуекел!” деп Сыбан Раптанға қарсы жүрген»* [9]. – *“Конница Сыбан Раптана не смогла нанести неожиданный удар по войску Абулхаира. Лишь на время, нужное для того, чтобы закипела вода в котелке, опередила джунгарский авангард девушка Гаухар, но этого оказалось достаточно. Абулхаир успел поднять воинов, разделил войско на три части, выстроил их для боя”* [10]; *«Бір сұмдықтың болып қалғанын іші сезген Жолымбет, енді бүкіл Кіші жүздің абыройын сақтағысы келді. Бұрын көңілінде аздаған дұдәмал күдігі болса, осы мезгілден бастап “Нар тәуекел!” деп, Ақторғынды құтқаруға кірісті»* [9]. – *“Батыр Жолымбет и не мог поступить иначе... Теперь в ее лице был оскорблен весь Младший жуз. Как могли воины этого жуза пройти мимо такого оскорбления!”* [10]. Как показывает анализ языкового материала, во 2 и 3 примерах смысловая емкость концепта не воспроизведена, хотя переводчик пытается компенсировать это, используя метод контекстной реконструкции и семантической экспликации.

Слово (сөз) – чрезвычайно емкий лингвосоциальный концепт, актуализирующий

ценностные ориентации казахского этноса, специфику его мировоззренческих представлений. В тюркской культуре на протяжении веков и эпох слово оставалось основным средством хранения и передачи информации, способом познания мира, взаимосвязь между мыслью, словом и делом была настолько прочной, что признавалось их общее, тождественное действенное начало. “Знание – видение-слышание выступали в неразрывном единстве, а еще больше ценилась способность облекать увиденное и услышанное в слово. Совокупность этих признаков определяла место человека в сакральной иерархии” [11]. Испокон веков казахами почиталось мастерство красноречия, декламации, импровизаторское пение. Народные акыны и жырау, обладая поэтическим даром, выступали носителями этнической памяти, способствуя передаче накопленного духовного опыта новым поколениям. “Исполнение песни, свободная игра и поэтическая импровизация приравнивались к высшим созидательным действиям” [11]. Воспроизведение в переводе такой культурно-прагматической смысловой номинации требует сохранения определенным образом организованного контекста, развивающего и усиливающего культурологический потенциал концепта. Репрезентация смыслового содержания концепта ярко представлена в паремиологическом выражении: *аталы сөзге арсыз тоқтамас*, передача которого в переводе осуществляется как посредством калькирования, так и семантического эксплицирования с последующим лингвокультурологическим комментарием – пояснением историко-культурного характера с целью нейтрализации культурного дифференциала и достижения аналогичного коммуникативного эффекта:

1. Калькирование: *“Дат тақсыр! Төре бір ауыз сөзге мұрша бер. – Айт датыңды... – Аталы сөзге арсыз тоқтамас. Абылай атама бабаларының істеген жақсылығын алдыма тартты ғой, қоя беріндер, – деді”* [9]. – *“Да, тақсыр! Слова требую по закону, султан! Арыстан весь подобрался и встряхнулся, как приготовившаяся к полету птица. По-прежнему глядя на Кенесары сверкающими глазами, он запел... Кенесары в ярости махнул рукой: – Довольно!... Лишь на бесстыдных не дейст-*

вует меткое слово. – Он указал на Арыстана: – Свои поступки этот человек завернул в благодеяния, оказанные его предками моим... Отпустите!» [10].

2. Экспликация с комментарием историко-культурного характера: «Қарапайым ел қамын ойлаған, қызыл тілін қару еткен қазақ жырғаулары арқашанда өз ойларын ашық айтқан. Бірақ... *“аталы сөзге арсыз тоқтамас”*, дәуірінде ханға да шындықты тыңдау бір ганибет іс еді...» [9]. – «Сам хан вынужден был считаться в те времена *со степной вольницей*, потому что опирался на султанов. И неписаным законом было: *“Можно отрубить голову, но нельзя отрезать язык”*. Вот почему хоть предчувствовал хан Абулхайр, что неприятна будет ему песня Казтуганажырау, он не показал вида и милостиво махнул рукой: *Поэт у нас вольнее птицы!*...» [10]; *“Именно этого человека, пользующегося всеобщей любовью у простонародья, и пригласил сейчас к себе хан Тауекель. Да и по древним неписаным законам следовало перед бием спрашивать совета у вещей певцов”* [10]; *“... певцы-прорицатели пользовались огромным авторитетом. Их устами феодально-родовые вожди отстаивали свои вольности перед властью султанов и самого хана. Но наибольший авторитет в народе имели те из них, которые раздвигали рамки своих сказаний за пределы одного племени и начинали говорить от имени всего народа. С их мнением*

приходилось считаться самым самовластным правителем” [10].

Литература

1. Лотман Ю.М. Семантика культуры и понятие текста // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М., 1997.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков и др. – М., 1997.
5. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М., 1983.
6. Қазақ тілінің сөздігі / Жалпы ред. басқарған Т. Жанұзақов. – Алматы, 1999.
7. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М., 2003.
8. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. 2. – Л.-М., 1938.
9. Есенберлин И. Көшпенділер. – Алматы: Жазушы, 1976. – 3 кіт.
10. Есенберлин И. Кочевники. – Алма-Ата: Жазушы, 1986. – 3 кн.
11. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск, 1990.